В II 02/101

1812 1912

СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ 1812 г.

Изданіе Московскаго Учебнаго Округа
подъ редакціей С. М. Гинтовта

СОСТАВИЛЪ
М. Р. ПЕРЕСТЮКЪ

811 02/101 Д. 5089а.
13 окт. 1914 г.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕР. РОСС. ИСТОР. МУЗЕЯ

Гос. Историч. Научн. Б-ка
НК РСФСР
Инвент. № 317764
193 г.

Александръ I.

1812

Николай II.

1912

СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ

1812 года.

составилъ М. Р. ПЕРЕСТЮКЪ.

Изданіе Московскаго Учебнаго Округа

подъ редакціей

С. И. ГИНТОВТА.

Для учащихся младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній.

1912.

Тип. Скоропечатни А. А. Левенсона
Москва, Трехпрудный пер.
1912.

Военный совѣтъ въ Филяхъ 1-го сентября 1812 г.

12 марта 1801 года на улицахъ Петербурга было всеобщее ликованіе: это былъ день, когда вступилъ на престолъ Императоръ Александръ I. Еще въ дѣтствѣ Государь умѣлъ пріобрѣсти любовь своихъ близкихъ и подданныхъ. Бабушка его, Екатерина Великая, была отъ него въ восторгѣ. Высокій и стройный, съ голубыми глазами и бѣлокурыми волосами, онъ былъ очень красивъ, въ обращеніи съ людьми такъ ласковъ и любезенъ, что невольно привлекалъ къ себѣ всѣхъ. Знали о томъ, что еще наслѣдникомъ онъ мечталъ устроить счастіе своихъ подданныхъ. Вотъ почему въ день его восшествія на престолъ радовались какъ въ великій праздникъ. „Батюшка, родной нашъ, красное солнышко!"—такъ встрѣчалъ народъ Государя, когда онъ на другой день послѣ коронаціи прогуливался по Тверской улицѣ. И юный Государь хотѣлъ оправдать довѣріе народа. Онъ весь отдался государственнымъ дѣламъ. Это онъ учредилъ Министерства и Государственный Совѣтъ для обсужденія новыхъ законовъ, заботился о народномъ образованіи и открылъ три новыхъ университета. Онъ даже хотѣлъ освободить крестьянъ, но его приближенные внушили ему, что крестьяне не сумѣютъ воспользоваться своей свободой. Государь съ своими помощниками много труда положилъ на устройство государства, но ему не удалось довести дѣло до конца. Мирная работа продолжалась недолго. Начались войны.

Причины войны.

Съ Запада поднимались грозныя тучи. Послѣ страшнаго разгрома, который произвела революція, Франція искала покоя, нуждалась въ сильной власти. Ослѣпленная успѣхами своего великаго полководца Наполеона, оглушенная шумомъ его побѣдъ, въ 1804 году она провозгласила его императоромъ; но войны не прекратились. Новый императоръ остался полководцемъ на тронѣ. Онъ побѣждалъ арміи, завоевывалъ государства и раздавалъ королевскіе престолы боевымъ товарищамъ и своимъ родственникамъ. Государи Европы съ тревогой смотрѣли на возвышеніе Франціи. Англія съ Австріей составили противъ нея союзъ. Къ союзу примкнула Россія, не признавшая Наполеона императоромъ. Наполеонъ разбилъ союзниковъ при Аустерлицѣ. Новый союзъ Пруссіи и Россіи противъ Наполеона и новые успѣхи французовъ, которые заняли столицу Пруссіи, Берлинъ, и разбили русское войско. Послѣ этихъ побѣдъ Наполеонъ сдѣлался повелителемъ Западной Европы. Австрійскій императоръ потерялъ половину своихъ земель; впослѣдствіи онъ долженъ былъ отдать за Наполеона свою дочь. Пруссія была на краю гибели; мелкія государства Европы или вошли въ составъ Франціи, или признали надъ собой ея власть. Только Англія и Россія были независимы. Наполеонъ испыталъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, какъ тяжело бороться съ русскими. „Съ такими солдатами, какъ русскіе, можно завоевать весь міръ," говорилъ онъ Императору Александру. Поэтому онъ заключилъ въ 1807 г. съ Россіей миръ въ прусскомъ городкѣ Тильзитѣ. Теперь онъ могъ расправиться съ своимъ главнымъ врагомъ, Англіей. Для войны съ Англіей, расположенной на островѣ, необходимъ былъ сильный флотъ. У Наполеона его не было, и онъ рѣшилъ ввести континентальную систему, т.-е. закрыть англійскимъ кораблямъ входъ въ гавани всѣхъ государствъ, лежащихъ на материкѣ. Этимъ былъ бы нанесенъ страшный ударъ торговлѣ и морскому могуществу Англіи. Всѣ государства Западной Европы подчинились континентальной системѣ. Обязалась ее соблюдать и Россія. Но это было тяжелое обязательство: Англія покупала въ Россіи сырье и поставляла колоніальные товары и предметы роскоши.

Прекращеніе торговли съ ней для насъ было невыгодно. Въ Россіи общество недовольно было Тильзитскимъ миромъ. Скоро и Императору стало ясно, что миръ непроченъ и что онъ служитъ больше всего выгодамъ французовъ. Пока Наполеонъ расправлялся съ Австріей и Пруссіей, ему нужно было, чтобы Россія, какъ союзница Франціи, держалась въ сторонѣ. Когда же онъ сдѣлался повелителемъ всего Запада и сталъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ распоряжаться, какъ у себя дома, союзъ съ Россіей началъ его стѣснять. Въ его пріемной толпой тѣснились государи Запада, ожидая его милостей, а русскій императоръ въ это самое время увеличивалъ пошлины на французскіе товары и допускалъ нарушеніе континентальной системы. Правда, Наполеонъ и самъ увеличилъ таможенныя пошлины на русскіе товары и нарушалъ континентальную систему, но для себя онъ дѣлалъ исключеніе. И, чувствуя, что невозможно подчинить своимъ планамъ русскаго государя, онъ уже въ 1811 году предвидѣлъ, что война съ Россіей возможна и даже необходима. „Черезъ пять лѣтъ,—говорилъ онъ,—я буду владѣть міромъ. Останется только Россія, но я ее раздавлю“.

И онъ завелъ переговоры съ Турціей и Швеціей, врагами Россіи, и привлекалъ поляковъ, обѣщая возстановить независимость Польши. Эти переговоры явно направлены были противъ Россіи. Наконецъ онъ грубо задѣлъ семейные интересы Государя, лишивъ владѣній дядю его, принца Ольденбургскаго.

Война становилась неизбѣжной, и обѣ стороны, ведя переговоры, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣятельно готовились къ ней. Еще въ 1811 г. Наполеонъ сталъ дѣлать приготовленія къ походу на Россію.

Кромѣ французовъ двадцать народовъ, одни изъ страха, другіе изъ преданности Наполеону, отдали свои военныя силы въ „великую армію“. Здѣсь были австрійцы, пруссаки, баварцы, голландцы, испанцы, португальцы, поляки, итальянцы. Старая гвардія Наполеона состояла изъ закаленныхъ въ бою солдатъ, готовыхъ по одному слову любимаго вождя броситься въ огонь. Число всѣхъ солдатъ французской арміи доходило до 600.000, раздѣленныхъ на 12 корпусовъ. Только два корпуса и гвардія состояли изъ французовъ,

которыхъ, по словамъ Наполеона, было не болѣе 150,000. Великая армія была разноплеменна. Во главѣ войскъ стояли герои наполеоновскихъ войнъ, его боевые товарищи или родственники. Весной 1812 г. Наполеонъ сталъ переводить войска къ русской границѣ. Самъ онъ въ это время жилъ въ Дрезденѣ, окруженный блестящей свитой своихъ маршаловъ, мелкихъ нѣмецкихъ князей, преданныхъ ему, и своихъ союзниковъ, королей Пруссіи и Австріи. Среди пышныхъ придворныхъ празднествъ былъ открыто объявленъ предстоящій походъ въ Россію. „Я иду въ Москву,— сказалъ Наполеонъ одному архіепископу, посылая его поднять поляковъ противъ Россіи,—и въ одно или два сраженія кончу все. Александръ будетъ на колѣняхъ просить мира". И въ Западной Европѣ всѣ враги и друзья Наполеона раздѣляли его увѣренность въ успѣхѣ. „Императоръ долженъ отправиться въ Россію—пишетъ одинъ французскій солдатъ на родину,—чтобы объявить войну этому ничтожному императору. О, мы скоро разобьемъ его въ пухъ и прахъ". И въ великой арміи такъ думали всѣ отъ маршала до послѣдняго солдата.

Отъ Нѣмана до Смоленска.

Французскія войска подходили къ Нѣману, къ русской границѣ, когда Наполеонъ велѣлъ во всѣхъ полкахъ прочесть свой приказъ: „Россія клялась вѣчно сохранять союзъ съ Франціей. Она нарушила эту клятву. Она не избѣгнетъ судьбы своей. Итакъ, впередъ! Перейдемъ черезъ Нѣманъ, внесемъ оружіе въ предѣлы Россіи".

Тремя отдѣльными арміями французы подошли къ Нѣману. 220.000 войска велъ самъ императоръ; 11 іюня онъ велѣлъ навести три моста между Ковно и Гродно у деревни Понѣмунь. Первые саперы, переправившіеся черезъ рѣку, встрѣтили разъѣздъ казаковъ. „Кто вы такіе?"—спросилъ французовъ офицеръ.—Французы.—„Что вамъ нужно и зачѣмъ вы въ Россіи?"—Хотимъ воевать, взять Вильну, освободить Польшу.—Офицеръ поскакалъ по лѣсу. Саперы выстрѣлили ему вслѣдъ. 12-го іюня на разсвѣтѣ тремя колонами потянулась армія къ тремъ мостамъ. Едва окончилась переправа, какъ

на небѣ сверкнула молнія, загремѣли раскаты грома, и разразилась сильнѣйшая гроза. На пространствѣ 50 верстъ потоки проливного дождя затопили поля и дороги, невыносимый зной перешелъ въ рѣзкій холодъ. Императоръ нашелъ убѣжище отъ грозы въ монастырѣ. Солдаты, еще недавно полные надеждъ на будущее, невольно задумались надъ тѣмъ, что ихъ ждетъ въ непріятельской странѣ.

Императоръ Александръ зналъ о приготовленіяхъ Наполеона. Въ началѣ апрѣля 1812 года Государь узналъ о движеніи французской арміи къ русской границѣ и отправился въ Вильну. Изъ Вильны онъ продолжалъ переговоры съ Наполеономъ. Но французскій императоръ не остановилъ своихъ войскъ. Государь присутствовалъ на балу, устроенномъ въ честь его, когда генералъ-адъютантъ Балашевъ сообщилъ ему о переправѣ французовъ черезъ Нѣманъ. На другой день Государь уѣхалъ изъ Вильны. Въ приказѣ войскамъ онъ объявилъ о началѣ войны. Но, уѣзжая, онъ послалъ Балашева сообщить Наполеону, что миръ еще возможенъ, если онъ выведетъ войска изъ Россіи. Наполеонъ принялъ Балашева съ письмомъ Государя только тогда, когда вступилъ въ Вильну. Онъ отклонилъ переговоры о мирѣ и съ усмѣшкой сказалъ русскому послу: „Неужели вы думаете, что я пришелъ къ вамъ только затѣмъ, чтобы посмотрѣть на Нѣманъ“. Это были послѣдніе переговоры съ Наполеономъ. Впослѣдствіи, когда счастье измѣнило французамъ, онъ не разъ отправлялъ пословъ къ Государю съ предложеніемъ мира, но Государь остался вѣренъ своимъ словамъ, сказаннымъ графу Салтыкову: „Я не положу оружія, доколѣ ни одного непріятеля не останется въ царствѣ моемъ“.

Русскія войска въ ожиданіи непріятеля были расположены тремя арміями у западной границы: первая армія состояла изъ 120.000 и находилась подъ начальствомъ Барклая де-Толли; второй арміей командовалъ князь Багратіонъ—въ ней было 40.000 войска; третья армія была расположена на границѣ Галиціи, для защиты отъ Австріи. Всѣ эти три арміи численностью были втрое меньше арміи Наполеона, но въ рядахъ русскихъ армій были солдаты, которые сражались съ французами въ Италіи, Швейцаріи, Австріи и Пруссіи и заслужили похвальные отзывы самого Наполеона. Въ ар-

міяхъ живы были еще воспоминанія о великомъ Суворовѣ, который не зналъ пораженій; живы были его ученики и сподвижники. Любимцемъ солдатъ былъ Багратіонъ, который у Суворова научился искусству воодушевлять солдатъ и вести ихъ къ побѣдѣ. Стоило ему во время битвы показаться въ опасномъ мѣстѣ, и солдаты смѣло бросались въ огонь.

Командующій сѣверной арміей, Барклай де-Толли, былъ прямою противоположностью Багратіону. Нѣмецъ по происхожденію, но русскій душой, онъ былъ хладнокровенъ и остороженъ. Вступать въ битву съ войскомъ Наполеона втрое сильнѣйшимъ, по его мнѣнію, было крайне опасно. Онъ былъ увѣренъ, что движеніе по непріятельской странѣ разстроитъ и ослабитъ силы французовъ, и потому стоялъ за отступленіе и сдерживалъ пылкаго Багратіона, который все рвался въ бой.

Такъ же, какъ Барклай, думалъ Государь: „Я не сдѣлаю перваго выстрѣла, я допущу васъ перейти Нѣманъ. Мой народъ не хочетъ войны. Но если на него нападутъ, онъ сумѣетъ защищаться всѣми силами". Такъ сказалъ Государь французскому послу передъ началомъ войны. Эти слова оправдались на дѣлѣ.

Война съ французами была обороной государства отъ наступающаго врага. Да и трудно было воевать иначе!

Шелъ врагъ, который считался непобѣдимымъ, который привыкъ однимъ ударомъ рѣшать исходъ войны. И противъ него стояли на границѣ втрое слабѣйшія русскія войска, раздѣленныя на три части.

Государю было предложено много плановъ войны; онъ остановился на одномъ. По этому плану Барклай де-Толли долженъ былъ отступать передъ Наполеономъ, а второй арміи предписано было нападать на непріятеля съ тыла.

Но этотъ планъ не имѣлъ успѣха. 12-го Наполеонъ перешелъ черезъ границу, 16-го вошелъ въ Вильну и разъединилъ такимъ образомъ наши военныя силы Изъ Вильны Наполеонъ направился прямо на Москву. „Если я займу Кіевъ,—говорилъ онъ,—возьму Россію за ноги; если овладѣю Петербургомъ, я возьму ее за голову; занявъ же Москву, я поражу ее въ сердце".

Врагъ шелъ кратчайшимъ путемъ въ Москву. Необходимо было, какъ можно скорѣе соединиться и не пускать фран-

цузовъ въ столицу. Но встрѣтиться съ Наполеономъ было еще очень опасно, и русскія арміи отступали, описывая большую дугу, и соединились только въ Смоленскѣ. Такъ не удалось Наполеону разъединить наши арміи, и не исполнилось его обѣщаніе, что „Барклай и Багратіонъ болѣе не увидятся". Но здѣсь же, подъ Смоленскомъ, онъ едва не обошелъ русскія войска. Онъ воспользовался тѣмъ, что русское войско перешло въ наступленіе и вышло изъ Смоленска, и составилъ планъ захватить городъ и отрѣзать русскимъ путь на Москву.

Н. Н. Раевскій.

Помѣшалъ небольшой отрядъ генерала Невѣровскаго. Онъ принялъ на себя передовые отряды у города Краснаго, выдержалъ около сорока атакъ храбрѣйшаго французскаго полководца Мюрата и отступилъ къ Смоленску; тамъ онъ соединился съ отрядомъ Раевскаго, поспѣшившаго ему на помощь. Городъ, расположенный на лѣвомъ берегу Днѣпра, былъ еще со временъ Бориса Годунова окруженъ стѣной изъ крупнаго кирпича, которая шла на протяженіи пяти верстъ. На стѣнахъ сохранились башни. Объ эти старинныя вѣковыя стѣны разбивались приступы польскихъ отрядовъ въ эпоху Смуты. Эти стѣны и храбрость защитниковъ Смоленска остановили на два дня движеніе французской арміи. На другой день утромъ 140 тысячъ французовъ стояло подъ стѣнами Смоленска. Завязался бой въ предмѣстьи города.

Самъ императоръ руководилъ атаками. Отряды Невѣровскаго и Раевскаго держались стойко и отбивали всѣ приступы. И Барклай, и Багратіонъ уже знали объ опасномъ положеніи города и спѣшили на выручку. Багратіонъ писалъ Раевскому: „Другъ мой, я не иду, а бѣгу; желалъ бы имѣть крылья, чтобы поскорѣе соединиться съ тобой. Держись—Богъ тебѣ поможетъ". Когда подошли русскія арміи, Наполеонъ прекратилъ бой. Онъ ждалъ на слѣдующій день рѣшительнаго сраженія и увѣренъ былъ, что „теперь русскіе въ его рукахъ". Но русскіе не приняли

боя. Осторожный Барклай де-Толли остался вѣренъ себѣ и, несмотря на недовольство окружающихъ, не рискнулъ на рѣшительный шагъ. „Берегите армію, у меня нѣтъ другой“, сказалъ ему Государь, покидая армію. И Барклай отправилъ Багратіона на Московскую дорогу, чтобы ея не заняли французы, а самъ остался у Смоленска на день задержать армію непріятеля. Узнавъ о движеніи Багратіона, Наполеонъ послалъ искать брода черезъ Днѣпръ; когда же брода не нашли, бросился на городъ. Защита города была поручена Дохтурову, который недавно оправился отъ тяжкой болѣзни. Цѣлый день 20-тысячный отрядъ отбивалъ всѣ атаки французовъ. Бой сначала шелъ въ предмѣстьи, потомъ сосредоточился у города.

Генералъ-отъ-инфантеріи С. Д. Дохтуровъ.

Жители были увѣрены, что городъ не сдадутъ, и не успѣли выѣхать. Когда 150 пушекъ стали громить городъ, и отъ непріятельскихъ орудій разрушались и падали дома, и вспыхнули повсюду пожары, несчастное населеніе охватилъ ужасъ. Былъ жаркій день—канунъ Преображенія—всѣ церкви были открыты: шло предпраздничное богослуженіе.— Пѣніе молитвъ и возгласы священниковъ заглушались грохотомъ пушечныхъ залповъ, но церкви были полны народомъ. Потерявъ надежду на человѣческую помощь, жители усердно молились Богу о спасеніи. Всѣ приступы французовъ были отбиты; ночью Дохтуровъ разрушилъ мостъ черезъ Днѣпръ и покинулъ Смоленскъ. Французамъ достались пылающія развалины. Въ городѣ изъ 2,250 домовъ уцѣлѣло только 350.

Дорого заплатилъ Наполеонъ за занятіе Смоленска. Болѣе шести тысячъ солдатъ легло подъ его стѣнами. Расположившись въ губернаторскомъ домѣ, Наполеонъ могъ на досугѣ обдумать свое положеніе. Послѣднія событія показали ему, какъ легкомысленъ былъ его первоначальный планъ „въ одно—два сраженія кончить все“. Второй мѣсяцъ былъ на исходѣ, а война еще только начиналась.

Перейдя границу, онъ врѣзался клиномъ между русскими арміями и предсказывалъ, что Багратіонъ съ Барклаемъ болѣе не увидятся. Въ Смоленскѣ русскія арміи соединились. Наполеонъ оказался неудачнымъ предсказателемъ.

Шла осень. Впереди была сѣверная зима съ ея снѣгами и морозами. Предстояло или остаться на зиму въ Смоленскѣ или итти впередъ. Но что будетъ дѣлать полумилліонная армія за тысячи верстъ отъ родины, въ разоренной странѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ врагами?

Слава великаго завоевателя держала въ страхѣ всѣхъ его враговъ. Что скажетъ Франція, что скажетъ Европа не получая извѣстій о его побѣдахъ? Не лучше ли итти на Москву? Если русская армія станетъ защищать столицу она будетъ разбита. Если же она не приметъ боя, онъ займетъ Москву, заставитъ русскаго Императора просить мира. И Наполеонъ рѣшилъ итти впередъ; въ этомъ рѣшеніи была его гибель.

Еще до взятія Смоленска Государь уступилъ совѣтамъ близкихъ людей, которые находили, что его пребываніе въ арміи стѣсняетъ командующихъ войсками, и черезъ Смоленскъ отправился въ Москву.

Государь въ Москвѣ.

Вторженіе въ Россію великаго завоевателя съ громадной арміей, его побѣдоносное шествіе по Россіи, отступленіе передъ нимъ русскихъ войскъ вызвало во всѣхъ слояхъ общества тревогу; необходимо было успокоить народъ и привлечь его къ участію въ великой борьбѣ. Передъ отъѣздомъ Государя изъ арміи было составлено воззваніе къ первопрестольной столицѣ и манифестъ о вооруженіи всего государства. „Да найдетъ непріятель“, говорилось въ манифестѣ, „въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ—Палицына, въ каждомъ гражданинѣ—Минина. Соединитесь всѣ: съ крестомъ въ сердцѣ и оружіемъ въ рукахъ, никакія силы человѣческія васъ не одолѣютъ“. На одинъ день проѣздомъ Государь остановился въ Смоленскѣ. Дворянство смоленское, охваченное воодушевленіемъ, предложило выставить 20.000 ратниковъ и обезпечить ихъ про-

віантомъ на мѣсяцъ. Трудно описать тѣ чувства, которыя охватили Москву, когда жители столицы прочли воззваніе и узнали, что въ Москву ѣдетъ Государь. О пребываніи Государя въ Москвѣ и объ отношеніи къ нему жителей мы разскажемъ словами очевидца.

„Іюля 12-го съ первымъ мельканіемъ зари утренней народъ стекался на Красную площадь. Надъ Кремлемъ сіяло солнце въ полномъ блескѣ роскошнаго дня лѣтняго. Въ 9 часовъ утра явился на Красномъ крыльцѣ Александръ I. Съ звономъ колоколовъ сливались сотни тысячъ голосовъ. „Ура! Да здравствуетъ Царь-Государь. Веди насъ, куда хочешь! Умремъ или побѣдимъ!“

Благовѣстъ продолжался.

Государь двинулся съ Краснаго крыльца. Со всѣхъ сторонъ сотни торопливыхъ рукъ хватали за ноги Государя, за полы мундира, цѣловали и орошали слезами. А съ площади отъ воротъ Спасскихъ до соборовъ, съ кровли арсенала, съ кровлей домовъ, отовсюду неслись, летѣли крики: „Ура! Да здравствуетъ Царь-Государь! Веди насъ, куда хочешь.“ На ступеняхъ крыльца Государь часъ-отъ-часу болѣе стѣснялся быстрымъ приливомъ народа. Чиновники его порывались раздвигать ряды. Государь, кланяясь, говорилъ: „Не троньте, не троньте ихъ! Я пройду“. Черезъ три дня въ Слободскомъ дворцѣ было назначено собраніе дворянства и купечества. Пріѣхалъ генералъ-губернаторъ Москвы графъ Растопчинъ и въ бесѣдѣ съ дворянами указалъ на залы, гдѣ собрались купцы, и сказалъ: „Оттуда польются милліоны, а наше дѣло выставить ополченіе и не щадить себя“. Вначалѣ слушали съ глубочайшимъ вниманіемъ; потомъ стали появляться знаки нетерпѣнія и негодованія. Когда Шишковъ (государственный секретарь) дошелъ до словъ, что непріятель приближается съ лестью на устахъ и съ оружіемъ въ рукахъ, произошелъ взрывъ негодованія: „били себя въ голову, рвали волосы, ломали руки, слезы бѣшенства текли по лицамъ; я видѣлъ человѣка, который скре-

Графъ Ѳ. В. Растопчинъ.

жеталъ зубами. Въ шумѣ нельзя было разслышать словъ; слышны были одни вопли и крики негодованія. Это было зрѣлище единственное въ своемъ родѣ. Въ эту минуту русскій человѣкъ выражалъ свои чувства свободно; онъ забывалъ, что онъ рабъ, и возмущался при мысли, что ему угрожаетъ иноземное иго".

Московскій городской голова первый подписалъ 50 тысячъ—половину всего своего состоянія. За нѣсколько дней, проведенныхъ Государемъ въ Москвѣ, дворяне и купцы пожертвовали 13 милліоновъ на военныя нужды. Кромѣ того, мѣстное дворянство обѣщало изъ своихъ крестьянъ выставить ополченіе въ 80 тысячъ человѣкъ. Волны пожертвованій изъ Москвы прокатились по всей Россіи: 200 тысячъ ополченцевъ, 100 милліоновъ деньгами были отвѣтомъ русскаго общества на манифестъ Государя. Въ то время, когда всѣ глубоко интересовались войной и жадно прислушивались къ каждому извѣстію, идущему съ театра войны, пришло извѣстіе о занятіи Смоленска французами и, какъ громъ, поразило всѣхъ. „Отворены ворота къ Москвѣ", говорили москвичи. „Ключъ къ Москвѣ взятъ", отозвался Кутузовъ, къ словамъ котораго прислушивалась вся Россія. Въ сдачѣ Смоленска обвиняли вождей арміи. Когда Государь оставилъ армію, вождями обѣихъ армій были Барклай де-Толли и Багратіонъ. Когда же подъ Смоленскомъ обѣ арміи соединились, Багратіонъ, старшій чиномъ, добровольно подчинился Барклаю. Но онъ былъ глубоко недоволенъ дѣйствіями Барклая и не стѣснялся это открыто высказывать. И армія была недовольна тѣмъ, что главнокомандующій все отступаетъ. Чуть не открыто называли его измѣнникомъ. „Ты нѣмецъ,—кричалъ Багратіонъ,—тебѣ всѣ русскіе ни по чемъ." И среди приближенныхъ Государя и въ Москвѣ недовольны были дѣйствіями Барклая.

Арміи нуженъ былъ такой вождь, который сумѣлъ бы пріобрѣсти беззавѣтную любовь и довѣріе солдатъ и положилъ бы конецъ разногласіямъ и ссорамъ между военачальниками. Комитетъ, назначенный Государемъ для избранія главнокомандующаго, остановилъ свой выборъ на Михаилѣ Иларіоновичѣ Кутузовѣ. Лучшаго выбора онъ не могъ сдѣлать. Кутузовъ получилъ извѣстность еще во время

турецкихъ войнъ при императрицѣ Екатеринѣ II. Онъ два раза былъ раненъ въ голову пулей навылетъ. Доктора оба раза признали раны смертельными; но Кутузовъ, къ ихъ удивленію, остался живъ и сохранилъ свои блестящія способности. Онъ участвовалъ при взятіи турецкой крѣпости Измаилъ, и Суворовъ доносилъ о немъ государынѣ Екатеринѣ II: „Кутузовъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ правою моей рукой".

Онъ уже встрѣчался съ войсками Наполеона въ Баваріи и Австріи, когда русскіе въ союзѣ съ австрійцами воевали противъ французовъ. Союзныя войска были разбиты при Аустерлицѣ, потому что не были приняты во вниманіе совѣты опытнаго и осторожнаго Кутузова. Когда Наполеонъ объявилъ войну Россіи и перешелъ Нѣманъ, на Дунаѣ шла война съ турками уже нѣсколько лѣтъ. Назначенный главнокомандующимъ, Кутузовъ въ одинъ годъ закончилъ войну выгоднымъ для Россіи миромъ; за это Государь пожаловалъ ему титулъ князя. Турецкая война была окончена, но опытный вождь не могъ остаться безъ дѣла. Къ нему обратилось теперь дворянство съ просьбой устроить ополченіе. Кутузовъ принялъ предложеніе и усердно занялся новымъ дѣломъ; но судьба готовила ему иное: въ это время комитетъ, назначенный Государемъ для избранія главнокомандующаго всей арміей, остановилъ свой выборъ на Кутузовѣ.

Кутузовъ былъ призванъ къ Государю, который объявилъ ему его новое назначеніе. Кутузовъ былъ именно такой полководецъ, какого ждала страна. Онъ обладалъ громаднымъ боевымъ опытомъ, онъ былъ русскій по происхожденію, и всѣ относились къ нему съ полнымъ довѣріемъ и возлагали на него всѣ свои надежды. Новый главнокомандующій былъ старикъ подъ семьдесять лѣтъ. Онъ былъ безъ одного глаза, прострѣленнаго въ сраженіи, съ трудомъ сидѣлъ на лошади отъ старости; но ему вѣрили.

Въ Петербургѣ его встрѣчали и провожали толпы народа. Передъ отъѣздомъ въ армію, выходя изъ Казанскаго собора, гдѣ онъ усердно молился Богу, онъ сказалъ духовенству: „Молитесь обо мнѣ, меня посылаютъ на великое дѣло". На пути въ армію населеніе восторженно принимало полководца: „Жители городовъ встрѣчали его съ хлѣбомъ-солью; духовенство и монастыри высылали ему иконы и

напутствовали его благословеніемъ; народъ отпрягалъ лошадей и везъ на себѣ экипажъ; поселяне оставляли спѣшныя работы, выходили на большую дорогу, гдѣ мчалась почтовая карета, которой малѣйшія примѣты извѣстны были всякому; всѣ торопились хотя мелькомъ взглянуть на Кутузова, поклониться ему". „Старая сѣверная лисица!" сказалъ Наполеонъ, когда узналъ о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ.

Глубокое уныніе господствовало въ русской арміи, которая все отступала. Безъ пѣсенъ, безъ шутокъ, мрачно

Князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

брели солдаты по пыльной дорогѣ. Офицеры были недовольны и подозрѣвали измѣну. На привѣтствіе Барклая де-Толли войска отвѣчали молчаніемъ.

Барклай де-Толли понималъ недовольство войска и искалъ мѣста, удобнаго для сраженія. Офицеры, посланные на поиски, намѣтили Царево-Займище, между Вязьмой и Гжатскомъ. Здѣсь стояли войска, когда получено было извѣстіе о назначеніи Кутузова главнокомандующимъ. Восторгъ арміи былъ неописуемъ. Какой-то острякъ сказалъ: „Пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ", и эти слова обошли всю армію. Радостно встрѣтили войска новаго главнокомандующаго. Барклай де-Толли ничѣмъ не выразилъ своей

обиды и спокойно сопровождалъ Кутузова во время объѣзда войскъ. Ласковый и доступный, медленно обходилъ старый вождь ряды солдатъ, а навстрѣчу ему и вслѣдъ за нимъ гремѣли бурные раскаты „ура“, и летѣли радостныя привѣтствія. Всѣ были увѣрены, что близко рѣшительное сраженіе, и спокойно отнеслись къ тому, что отступленіе продолжалось. Войска отступали до 22-го августа. Къ этому времени армія была подкрѣплена новыми силами, и вскорѣ произошла знаменитая Бородинская битва.

Бородино.

Село Бородино находится въ 10 верстахъ отъ Можайска и въ 100 верстахъ отъ Москвы. Тамъ, гдѣ рѣка Колоча, недалеко отъ впаденія въ рѣку Москву, течетъ въ крутыхъ, обрывистыхъ берегахъ, остановились русскія войска въ ожиданіи непріятеля. Позиція, выбранная Кутузовымъ для сраженія, шла на протяженіе болѣе шести верстъ вдоль праваго берега Колочи, отъ села Малаго у рѣки Москвы и до деревни Утицы на Старой Смоленской дорогѣ. По срединѣ позиціи шла Новая Смоленская дорога. Въ центрѣ русскихъ войскъ на четырехъ холмахъ возведены были укрѣпленія: одно на высокомъ курганѣ у деревни Горки—батарея Раевскаго, и три у деревни Семеновской (Багратіоновы флеши). Въ 1000 саженяхъ впереди русской позиціи, на одномъ изъ трехъ кургановъ у деревни Шевардино, воздвигли пятиугольное укрѣпленіе (редутъ) на 12 орудій. Съ этого укрѣпленія видны были русскія войска, какъ на ладони. Мѣстность, выбранная Кутузовымъ, была не вполнѣ удобна для сраженія: русскихъ легко было обойти; но до самой Москвы не было болѣе удобныхъ для сраженія мѣстъ, а Наполеонъ между тѣмъ наступалъ, и русскія войска рвались въ бой. Не было времени, не было людей и орудій для саперныхъ работъ, и наши позиціи при своемъ неудобствѣ были еще слабо укрѣплены. 22-го августа наши войска подошли къ Бородину, 23-го перешли рѣку Колочу и заняли свои позиціи. На правомъ крылѣ и въ центрѣ расположилась первая армія Барклая де-Толли; на лѣвомъ крылѣ, гдѣ стояла вторая армія, командовалъ Багратіонъ. Число

русскихъ войскъ на Бородинскомъ полѣ было около 120 тысячъ. Приблизительно столько же было и во французской арміи. Но у французовъ было больше опытныхъ солдатъ. Въ нашей арміи было много ополченцевъ, незнакомыхъ съ военнымъ дѣломъ.

24-го числа французская армія по Новой Смоленской дорогѣ подошла къ русскимъ позиціямъ. Наполеонъ замѣтилъ русское укрѣпленіе, далеко выдвинутое впередъ, и велѣлъ имъ овладѣть. Это былъ Шевардинскій редутъ.

317764

Графъ М. Б. Барклай де-Толли.

Русскіе защищались отчаянно. Во время боя прибылъ Кутузовъ, сошелъ съ лошади, сѣлъ на возвышенную деревянную скамейку, которую за нимъ всегда возили, и, подъ грохотъ пушечныхъ выстрѣловъ, спокойно слѣдилъ за ходомъ сраженія, помахивая нагайкой. Три раза французы врывались въ редутъ, и три раза защитники отбивали ихъ приступы. Наконецъ, поздно ночью Кутузовъ приказалъ отступить. Наполеону донесли о томъ, что редутъ остался за французами. На вопросъ о томъ, много ли взяли въ плѣнъ, ему отвѣтили, что русскіе не сдаются и предпочитаютъ умереть. Услыхавъ такой отвѣтъ, Наполеонъ глубоко задумался. Ночью пошелъ мелкій холодный дождь; поднялся рѣзкій осенній вѣтеръ. Зарево пожаровъ освѣщало окрестности. Утромъ начались приготовленія къ

рѣшительной битвѣ: Наполеонъ объѣхалъ свои войска, изучилъ расположеніе непріятеля и составилъ планъ дѣйствій на слѣдующій день. Для войска составлено было воззваніе императора, въ которомъ онъ напоминалъ солдатамъ о славѣ, добытой въ прежнихъ бояхъ, и внушалъ имъ, что побѣда необходима: „Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы сильно желали. Побѣда необходима для насъ: она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорый возвратъ въ отечество. Пусть потомство съ гордостью вспомнитъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ насъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою". Въ русской арміи наканунѣ великой битвы весь день шли приготовленія: устанавливали орудія, отпускали сабли, точили штыки; офицеры надѣвали чистое бѣлье; солдаты доставали бѣлыя рубахи, готовясь къ смерти.

Въ русской арміи была икона Божіей Матери, которую войска вынесли изъ Смоленска, разрушеннаго французами Кутузовъ приказалъ пронести по рядамъ образъ Заступницы Смоленска. Крестный ходъ съ зажженными свѣчами, съ пѣніемъ молитвъ обошелъ войска. Кутузовъ, окруженный блестящей свитой, опустился на колѣни передъ иконой и долго и горячо молился. И сто тысячъ солдатъ, изъ которыхъ половина обречена была на смерть, съ глубокой вѣрой обращались къ Богоматери и просили помощи свыше для предстоящей страшной битвы за родину.

Кутузовъ объѣзжалъ войска и говорилъ ласково и просто: онъ умѣлъ говорить съ солдатами, и слова его глубоко западали въ душу. Одному полку онъ сказалъ такъ: „Вамъ придется защищать землю родную, послужите вѣрой и правдой до послѣдней капли крови. Каждый полкъ будетъ употребленъ въ дѣло. Васъ будутъ смѣнять, какъ часовыхъ, каждые два часа. Надѣюсь на васъ!" Наконецъ ночь спустилась на поле битвы и окутала все туманомъ. Огни костровъ догорѣли. Въ русскомъ лагерѣ все затихло. Изъ французскаго лагеря всю ночь доносились звуки музыки и крики. Армія радовалась, что близокъ рѣшительный бой, который принесетъ побѣду, славу и богатство.

Императоръ французовъ провелъ тревожную ночь. Онъ боялся, что русскіе уйдутъ, и часто просыпался, и, узнавъ, что русскіе не уходятъ, опять засыпалъ. Передъ разсвѣтомъ

оба полководца уже были на полѣ битвы. Глядя на восходящее солнце, Наполеонъ сказалъ своимъ офицерамъ: „Это—солнце Аустерлица". Передъ битвой онъ хотѣлъ напомнить о своей блестящей побѣдѣ при Аустерлицѣ. Въ половинѣ шестого раздались первые выстрѣлы, а въ шесть часовъ началось наступленіе французовъ. Наполеонъ наканунѣ изучилъ мѣстность и положеніе русскихъ и рѣшилъ обрушиться на лѣвое крыло непріятельской арміи и отбросить ее туда, гдѣ сливалась Колоча съ рѣкою Москвой. Такъ какъ переправа въ этомъ мѣстѣ была затруднительна, то онъ разсчитывалъ такимъ образомъ сдѣлать отступленіе къ Смоленской дорогѣ невозможнымъ и отрѣзать русскихъ отъ Москвы. И главная атака французовъ была направлена на лѣвое крыло. Съ 6 часовъ до полудня лучшіе полководцы французовъ, Даву, Ней, Мюратъ, громили Семеновскія укрѣпленія; съ 10 до 3-хъ вели упорную битву, стремились овладѣть батареей Раевскаго. Какъ морскія волны въ бурю, неслись одинъ за другимъ отряды французовъ на Семеновское укрѣпленіе.

Въ 7 часовъ утра первая атака, въ 8 вторая, въ 9 третья, въ 10 четвертая. Всѣ приступы отбиты. Взятое французы возвращаютъ опять, опять теряютъ и захватываютъ снова. Наполеонъ съ Шевардинскаго редута слѣдитъ за ходомъ боя. Великій вождь великой арміи ошеломленъ тѣмъ, что происходитъ. Искусство лучшихъ его полководцевъ, испытанная храбрость солдатъ, безумная отвага Мюрата—безсильны. Онъ въ недоумѣніи. Онъ посылаетъ запасный отрядъ въ пятую атаку. Уже 11 часовъ дня. Сраженіе въ полномъ разгарѣ; 700 пушекъ гремятъ съ батарей, и отъ пушечнаго гула дрожитъ земля. Окутанные пороховымъ дымомъ, французы идутъ на приступъ; ихъ не останавливаютъ ни градъ пуль ни залпы картечи. Безъ выстрѣла врываются они въ укрѣпленіе, гдѣ ихъ встрѣчаютъ штыками. Приступъ опять отбитъ. И вдругъ по русскимъ рядамъ проносится страшная вѣсть: любимецъ арміи Багратіонъ смертельно раненъ и выбылъ изъ строя.

Въ русскихъ рядахъ тревога. Пользуясь ею, французы бросаются въ шестую атаку и захватываютъ Семеновское укрѣпленіе окончательно. Русскіе отступили, не прекращая сопротивленія и, чтобы сломить его, Ней и Мюратъ опять

просятъ у Наполеона войска. Императоръ колеблется; онъ не хочетъ рисковать своей гвардіей и, наконецъ, отказываетъ, возражая: „А если завтра будетъ битва, кто пойдетъ сражаться?“ Такъ кончилась упорная борьба за Семеновское укрѣпленіе: русскіе уступили силѣ.

Въ это же время шелъ бой въ центрѣ за батарею Раевскаго. Первая атака въ 10 часовъ утра была отбита; за ней послѣдовала въ 11 часовъ вторая. Французы одержали верхъ и ворвались въ батарею. Но они владѣли ею недолго. Сзади батареи проѣзжалъ генералъ Ермоловъ. Увидя, что батарея въ рукахъ французовъ, онъ собралъ сосѣдніе русскіе отряды и повелъ на приступъ. Французы были перебиты штыками, и батарея взята обратно.

Князь П. И. Багратіонъ.

Сопровождавшій Ермолова начальникъ артиллеріи графъ Кутайсовъ былъ убитъ. Верхомъ на лошади онъ повелъ пѣхоту на приступъ и болѣе не возвращался. Лошадь его, покрытая кровью, промчалась по русскимъ рядамъ безъ сѣдока. Около двухъ часовъ Наполеонъ послалъ войско атаковать въ третій разъ батарею Раевскаго. Въ то время, какъ французская пѣхота, презирая опасности, лѣзла на валъ, а защитники батареи схватились съ нею въ рукопашную, съ тыла ворвалась конница. Въ три часа почти всѣ защитники перебиты, и батарея взята французами. Но до полной побѣды было еще далеко. Русскія войска уступили укрѣпленія, но не ушли съ поля битвы. Измѣнили только расположеніе и ждали продолженія боя. Въ третій разъ французскіе полководцы требуютъ у императора помощи. Наполеонъ оставилъ Шевардино, гдѣ съ высокаго кургана онъ слѣдилъ за сраженіемъ, и поѣхалъ разсмотрѣть поближе русскія позиціи. Дорога шла по долинѣ, покрытой обломками орудій и развалинами. Повсюду валялись трупы людей и лошадей. Слышались стоны и крики раненыхъ, которыхъ не успѣли подобрать. Съ высоты Семеновскаго укрѣпленія Наполеонъ увидѣлъ русскія войска. Они ждали непріятеля. Наполеонъ понялъ, что выступленіе гвардіи

не дастъ рѣшительной побѣды, и на всѣ просьбы о подкрѣпленіи отвѣтилъ своимъ маршаламъ: „Я не дамъ разстроить мою гвардію. За три тысячи верстъ отъ Франціи не жертвуютъ послѣднимъ резервомъ“. Къ шести часамъ вечера сраженіе почти прекратилось. И русскіе, и французы были измучены: сто тысячъ солдатъ пали на полѣ сраженія. Французы потеряли треть, русскіе половину своего войска.

Болѣе двадцати генераловъ выбыло изъ строя. Особенно тяжела была потеря командующаго лѣвымъ крыломъ арміи, князя Багратіона, и начальника артиллеріи, графа Кутайсова. Вслѣдствіе его смерти триста орудій остались забытыми недалеко отъ мѣста боя и не участвовали въ сраженіи. Князь Багратіонъ былъ раненъ въ тотъ моментъ, когда онъ былъ всего нужнѣе, во время четвертой атаки на Семеновскія укрѣпленія. Онъ хотѣлъ скрыть свою рану, но страшная боль и сильная потеря крови лишили его чувствъ. Его увезли въ Москву. Движеніе непріятеля къ столицѣ его глубоко огорчало. „Я умру не отъ раны, а отъ Москвы“, говорилъ онъ. Его похоронили на Бородинскомъ полѣ, у подножія Бородинскаго памятника. Подъ чугунной плитой, отлитой изъ французскихъ пушекъ, взятыхъ въ бою, среди безмолвія окружащей сельской природы, мирно спитъ герой великой битвы, „генералъ по образу и подобію Суворова“.

Барклай де-Толли остался живъ и невредимъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ уступилъ начальство надъ арміей Кутузову, его мучили мысли о томъ, что войско ему не довѣряетъ, что общество подозрѣваетъ его въ измѣнѣ. Послѣ Бородинской битвы отношеніе къ нему измѣнилось.

Въ парадномъ мундирѣ и шляпѣ съ чернымъ перомъ онъ безстрашно велъ полки въ атаку на французовъ. Подъ нимъ было убито пять лошадей; былъ убитъ адъютантъ, ѣхавшій рядомъ съ нимъ; но Барклай де-Толли остался невозмутимъ и хладнокровно ободрялъ солдатъ. Проѣзжая по рядамъ, онъ слышалъ неудержимые крики восторга и радостныя привѣтствія солдатъ и офицеровъ. Такъ войско старалось загладить свою вину передъ полководцемъ. „Я искалъ смерти, но не нашелъ“, писалъ объ этомъ днѣ Барклай де-Толли.

Кутузовъ во все время сраженія находился на высокомъ холмѣ у деревни Горки. Онъ слѣдилъ отсюда за ходомъ битвы, стараясь „перехитрить“ Наполеона, разстроить его планы.

Графъ М. И. Платовъ.

Когда были взяты Семеновскія укрѣпленія, Наполеонъ рѣшилъ прорвать ослабѣвшій центръ русскаго войска. Для этого нужно было взять приступомъ батарею Раевскаго. Отданы были приказанія. Въ часъ дня все было готово къ атакѣ... И вдругъ на лѣвомъ крылѣ французовъ, за рѣкой Колочей, неожиданно появилась русская конница и заставила отступить непріятельскую пѣхоту и кавалерію, и въ то же время въ тылу арміи, среди обозовъ, показались казаки, разсыпались по лагерю и произвели страшный переполохъ среди французовъ.

Наполеонъ оставилъ атаку и, сломя голову, помчался на лѣвое крыло предупредить опасность. Что же произошло?

Ѳ. П. Уваровъ.

Слѣдя за передвиженіями непріятеля, Кутузовъ понялъ, что готовится приступъ и что, захвативъ батарею Раевскаго, французы могутъ прорваться сквозь центръ русской арміи. И Кутузовъ послалъ Уварова съ кавалерійскимъ корпусомъ, Платова съ донскими казаками въ тылъ непріятеля. Неожиданное нападеніе русскихъ вызвало тревогу, отвлекло вниманіе Наполеона, остановило атаку на батарею... Прошло два часа... Французы оправились; но время было упущено. За эти два часа Кутузовъ успѣлъ стянуть къ слабому мѣсту подкрѣпленія. Старый русскій полководецъ перехитрилъ Наполеона.

Французы въ Москвѣ.

Наполеону не удалось обойти русскихъ и отрѣзать ихъ отъ Москвы, не удалось прорвать центръ русскаго войска. Вечеромъ Кутузову донесли, что русскіе стоятъ твердо, а французы не рѣшаются нападать, и онъ велитъ объявить въ приказѣ: „Завтра мы атакуемъ!“ Но когда поздно ночью подсчитаны были потери, и онъ узналъ, что половина арміи легла на полѣ битвы, онъ отдалъ приказъ отступать къ Москвѣ. Французы къ ночи оставили взятыя укрѣпленія и ушли за рѣку Колочу. Нѣсколько сотъ плѣнныхъ и два—три десятка разбитыхъ пушекъ—вотъ все, что имъ досталось послѣ битвы. Ночью во французскомъ лагерѣ поднялась тревога. Старая гвардія стала настражѣ у палатки Наполеона, боясь нападенія казаковъ. Такъ, въ великій Бородинскій день французская армія разбилась о русскую. Вспоминая свои войны, самъ Наполеонъ такъ пишетъ о Бородинской битвѣ: „Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное было то, которое я далъ подъ Москвою. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе пріобрѣли право считаться непобѣдимыми“.

Русская армія отступила по направленію къ Москвѣ. Но мысль о сдачѣ столицы безъ боя никому не приходила въ голову. Наконецъ войска подошли къ высотамъ въ пяти верстахъ отъ Москвы. Эту мѣстность Беннигсенъ выбралъ для сраженія. 1-го сентября всѣ военачальники были созваны на военный совѣтъ въ деревнѣ Фили, въ избѣ, которую занималъ Кутузовъ. На совѣтѣ обсуждали вопросъ о томъ, какъ поступить лучше: дать ли непріятелю сраженіе подъ стѣнами Москвы, или продолжать отступленіе и отдать Москву безъ боя. Барклай де-Толли совѣтовалъ отступать. Мнѣнія раздѣлились. Кутузовъ долго слушалъ споры и сказалъ: „Вы боитесь отступленія черезъ Москву, а я смотрю на это, какъ на Провидѣніе, ибо это спасетъ армію. Наполеонъ подобенъ быстрому потоку, который мы не могли остановить. Москва—это губка, которая всосетъ его въ себя“. Споры продолжались. Наконецъ, Кутузовъ, выслушавъ мнѣнія всѣхъ, обратился къ военачальникамъ съ заключительными словами: „Съ потерей Москвы не потеряна Россія. Чувствую, что

мнѣ придется поплатиться за все... Властью, врученною мнѣ Государемъ, приказываю отступать". Ночь Кутузовъ провелъ безъ сна. Ночью старый полководецъ волновался и даже плакалъ: онъ понималъ, какое горе причинитъ всей Россіи сдачей Москвы врагу, и зналъ, что иначе поступить невозможно.

Населеніе Москвы тревожно слѣдило за ходомъ войны. Сдача Смоленска увеличила тревогу: нѣкоторые стали уѣзжать. Чтобы успокоить жителей, генералъ-губернаторъ Москвы, графъ Растопчинъ, въ своихъ обращеніяхъ къ народу объявилъ, что Москвѣ не угрожаетъ никакой опасности. Однако же понемногу начали вывозить казенное имущество. Хотя купцамъ и мѣщанамъ не позволяли покидать Москву, но ежедневно тысячи каретъ выѣзжали къ заставѣ, несмотря на то, что графъ Растопчинъ писалъ: „Жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ". „Мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся", объявлялъ онъ народу наканунѣ Бородина. Послѣ Бородина онъ уже не думаетъ о защитѣ Москвы; бѣгство жителей стало повальнымъ. Въ три часа утра 2-го сентября русская армія отъ Дорогомиловской заставы черезъ Москву вышла на Рязанскую дорогу. Съ ней вмѣстѣ ушли изъ Москвы остатки населенія, и громадный городъ опустѣлъ. Когда русскія войска мрачно проходили по Москвѣ, совершая свое отступленіе, съ противоположной стороны къ ней подходили французы. Съ Поклонной горы передъ ними раскинулся городъ, ярко освѣщенный солнцемъ, сіяющій позолотой своихъ куполовъ. „Москва! Москва!" повторяли восхищенные французы. Были забыты всѣ страданія и опасности. Подъѣхалъ самъ Наполеонъ. Онъ остановился въ восторгѣ и радостно воскликнулъ: „Итакъ, вотъ онъ, наконецъ, этотъ знаменитый городъ! Давно пора!" Онъ былъ увѣренъ, что сейчасъ явятся представители города съ мольбой о пощадѣ и, въ ожиданіи депутаціи, соскочилъ съ коня и въ подзорную трубу сталъ разсматривать городъ. Время шло, а депутаты не являлись. Наконецъ, доносятъ ему, что Москва пуста. „Москва пуста! Это невѣроятно! Ступайте туда и приведите бояръ!" приказалъ Наполеонъ. Наконецъ, привели къ нему нѣсколькихъ бродягъ, которыхъ онъ велѣлъ прогнать.

Пораженные удивленіемъ, шли французы по улицамъ

опустѣвшаго города, и странно звучали ихъ шаги и топотъ лошадиныхъ копытъ среди окружающей тишины. Въ первую же ночь пребыванія французовъ въ Москвѣ начались пожары. Они вспыхнули сразу въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Пожаръ Гостинаго двора на Красной площади представлялъ страшную картину: громадное зданіе походило на исполинскую печь, изъ которой вырывались густые клубы дыма и языки пламени. Въ слѣдующую ночь поднялась буря: сильные порывы вѣтра разносили огонь повсюду. Замоскворѣчье превратилось въ пылающій костеръ. Огненное море разлилось по всей Москвѣ. Огонь подходилъ къ Кремлю. Наполеонъ со своей свитой расположился въ Кремлѣ. Въ Чудовомъ монастырѣ размѣщенъ былъ штабъ великой арміи. Когда Наполеонъ подошелъ къ окнамъ, онъ увидѣлъ страшную картину: огонь охватилъ весь городъ. Его охватило небывалое волненіе. Этотъ пожаръ могъ погубить все. Быстрыми шагами онъ ходилъ по комнатамъ дворца, повторяя: „Какое ужасное зрѣлище! Это они сами подожгли! Сколько дворцовъ!“ Подъ окнами Наполеона стояли пороховые ящики и боевые снаряды. Отъ одной искры Кремль могъ бы взлетѣть на воздухъ. Наконецъ, маршалы убѣдили его оставить Кремль, и съ офицерами гвардіи направился онъ пѣшкомъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Ихъ окружалъ цѣлый океанъ пламени. Послѣ долгихъ поисковъ нашли подземный ходъ, выводившій къ Москвѣ-рѣкѣ. Черезъ этотъ узкій проходъ Наполеону удалось выбраться изъ Кремля. Всего лишь одна улица, узкая, извилистая и вся охваченная огнемъ, открывалась передъ нимъ. Императоръ безъ колебаній бросился въ этотъ проходъ. Онъ шелъ среди грохота рушившихся сводовъ, балокъ и крышъ изъ раскаленнаго желѣза. Нестерпимый жаръ палилъ глаза... Дышать этимъ раскаленнымъ воздухомъ было почти невозможно... И въ это самое время, когда лишь быстрое движеніе впередъ могло быть единственнымъ спасеніемъ, проводникъ въ смущеніи остановился; какъ вдругъ солдаты, занимавшіеся грабежомъ, узнали императора среди пламени и подоспѣли на помощь... Только къ ночи удалось добраться до Петровскаго дворца.

Пожаръ прекратился послѣ 5-го сентября, когда пошли сильные дожди. Наполеонъ воротился въ Кремль. Отъ гро-

маднаго города, отъ роскошныхъ дворцовъ и богатыхъ церквей остались груды развалинъ, среди которыхъ кое-гдѣ возвышались уцѣлѣвшіе дома отъ пожара.

Отчего произошелъ пожаръ, истребившій большую часть Москвы? Сами жители поджигали дома, чтобы русское добро не досталось французамъ. Поджигателей ловили и безъ пощады разстрѣливали. Но пожары возникали повсюду: не было дисциплины въ войскѣ, не было порядка между жителями; тушить огонь было некому и нечѣмъ: по приказанію Растопчина, пожарныя трубы заранѣе были вывезены изъ города.

Въ то время какъ пожаръ уничтожалъ столицу, грабежи доканчивали ея разрушеніе. Французы грабили богатства Москвы, потому что хотѣли отомстить за пожаръ и потому что они хотѣли вознаградить себя за три мѣсяца трудовъ, опасностей и лишеній во время похода. Войдя въ Москву, Наполеонъ приказалъ одному изъ маршаловъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не было грабежа. „Вы мнѣ отвѣчаете за это головой“, прибавилъ онъ. Но армія потеряла въ Москвѣ дисциплину и удержать ее отъ грабежа было очень трудно. Грабила старая гвардія, лучшее войско французовъ; грабили офицеры; генералы старались почаще мѣнять квартиры, чтобы поживиться имуществомъ хозяевъ. Наконецъ, въ грабежѣ завели порядокъ: одинъ день предоставленъ былъ для грабежа старой гвардіи, другой—новой гвардіи, на третій день отправлялъ солдатъ для грабежа маршалъ Даву; такимъ образомъ, одна часть войска за другой въ свою очередь бродила по улицамъ Москвы, врывалась въ дома, разбивала запертые магазины, забирала все цѣнное, ломала и разбрасывала остальное. Гибли запасы, которыхъ хватило бы надолго, и великая армія превращалась понемногу въ шайку грабителей, мародеровъ, или „міродеровъ“, какъ ихъ называлъ нашъ народъ. Вотъ что представлялъ французскій лагерь, раскинутый на полѣ возлѣ города. „Въ топкой холодной грязи горѣли огромные костры изъ мебели краснаго дерева и позолоченныхъ оконныхъ рамъ и дверей. Вокругъ этихъ костровъ, положивъ подъ ноги сырую солому, солдаты и офицеры, покрытые копотью и грязью, сидѣли въ креслахъ или лежали на шелковыхъ диванахъ. Около нихъ валялись кучи кашемировыхъ шалей, дорогихъ сибирскихъ

мѣховъ, персидской парчи; тутъ же была серебряная посуда, изъ которой приходилось ѣсть полусырую кровавую конину. Между лагеремъ и городомъ попадались навстрѣчу толпы солдатъ, тащившихъ свою добычу, или гнавшихъ передъ собою, какъ вьючныхъ животныхъ, русскихъ мужиковъ, согнувшихся подъ тяжестью вещей, награбленныхъ въ ихъ же столицѣ". Часть церквей сгорѣла, часть была разграблена. Успенскій соборъ отвели подъ конюшню; въ Покровскомъ монастырѣ, въ соборной церкви, устроили мясную лавку; вокругъ стѣнъ на широкихъ полкахъ лежали разныя части мяса; на паникадилахъ и на гвоздяхъ, вколоченныхъ въ иконостасъ, висѣли внутренности и битыя птицы; на дворѣ Данилова монастыря устроили бойню. Въ нижней церкви Заиконоспасскаго монастыря поставили лошадей и вмѣсто попонъ покрыли ихъ ризами. Въ алтарѣ поставили кровати для солдатъ. Французы слышали о несмѣтныхъ богатствахъ московскихъ храмовъ и монастырей, искали ихъ повсюду и умышленно издѣвались надъ святынями русскаго народа.

Положеніе французовъ въ столицѣ съ каждымъ днемъ становилось все хуже. Припасы истощались. Подмосковные крестьяне не везли въ столицу ни хлѣба, ни корма для лошадей, которыя падали сотнями. Выѣзжать въ окрестности Москвы для пополненія припасовъ становилось опасно: у самой столицы бродили казаки, поджидая непріятеля. Москва оказалась для Наполеона западней—и, наконецъ, онъ сталъ искать мира.

Въ концѣ сентября онъ отправилъ посла въ русскій лагерь. „Я желаю мира", сказалъ онъ, „мнѣ нуженъ миръ, нуженъ во что бы то ни стало, спасайте только честь". Посолъ явился къ Кутузову. Онъ просилъ перемирія и свиданія съ Государемъ. Кутузовъ отказалъ и въ томъ и въ другомъ и только обѣщалъ отдать письмо Наполеона Государю. Императоръ Александръ, вѣрный своему слову, отклонилъ предложеніе мира и не удостоилъ письмо Наполеона отвѣтомъ. „Наполеонъ или я, я или Наполеонъ, но вмѣстѣ мы не можемъ царствовать", сказалъ онъ нѣсколько раньше полковнику, который доставилъ ему донесеніе Кутузова о занятіи французами Москвы. Молчаніе Императора Александра разсѣяло послѣднія надежды на миръ. Приходилось или оста-

ваться въ Москвѣ или отступить. Послѣ долгаго раздумья Наполеонъ рѣшилъ итти на Смоленскъ, провести тамъ зиму и весною двинуться на Петербургъ. Но онъ медлилъ до тѣхъ поръ, пока русскія войска не начали наступать.

Подъ Тарутинымъ Кутузовъ воспользовался безпечностью Мюрата, храбрѣйшаго изъ французскихъ военачальниковъ, неожиданно напалъ на его отрядъ и одержалъ полную побѣду.

Отступленіе и гибель французской арміи.

Извѣстіе о пораженіи дошло до Наполеона, и онъ рѣшилъ болѣе не медлить. Но передъ выступленіемъ онъ велѣлъ взорвать стѣны и башни Кремля и поджечь дворецъ. Приказаніе его было исполнено: отъ взрывовъ пострадали Кремлевскія башни, дворецъ и часть Кремлевской стѣны. Колокольня Ивана Великаго дала трещину; Кремлевскіе соборы уцѣлѣли. Когда Кутузову донесли о томъ, что французы оставили Москву, онъ заплакалъ и перекрестился на образъ Спасителя, сказавъ: „Боже, благодарю Тебя! Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей. Съ этой минуты Россія спасена“...

7-го октября рано утромъ французы выступили изъ Москвы. „Идемъ на Калугу“, сказалъ Наполеонъ своимъ генераламъ, „горе тѣмъ, кто попадется намъ на пути“. Армія его нуждалась въ продовольствіи, и онъ не хотѣлъ итти по старой разоренной дорогѣ. Онъ повернулъ на югъ; въ Калугѣ онъ разсчитывалъ на большіе запасы, собранные для русской арміи, въ Тулѣ на Оружейные заводы. Во французской арміи, выступившей изъ Москвы, было болѣе 100 тысячъ, но это уже не была та грозная „великая армія“, которая внушала всѣмъ ужасъ и побѣдоносно, несмотря на всѣ преграды, двигалась впередъ. Только пѣхота была хороша. Кавалерія и артиллерія, на изнуренныхъ лошадяхъ, имѣли жалкій видъ. Французы увозили и уносили съ собой все награбленное добро, которымъ были набиты повозки, экипажи и даже ранцы солдатъ; вели стада рогатаго скота; за войсками слѣдовали всѣ иностранцы съ женами и дѣтьми, покинувшіе Москву.

Такъ началось отступленіе великой арміи, полное ужасныхъ бѣдствій. Русская армія только ждала выхода фран-

цузовъ, чтобы опять начать борьбу. Уже первая ея встрѣча съ Мюратомъ подъ Тарутинымъ показала, что французамъ трудно разсчитывать на успѣхъ.

Кутузовъ зналъ, что Наполеонъ повернулъ въ южныя губерніи и предупредилъ его въ Малоярославцѣ. Здѣсь опять встрѣтилось французское войско съ русскими. Городъ восемь разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и остался за французами; но на другой день подошла вся русская армія Кутузова, и Наполеонъ повернулъ къ Можайску—пошелъ въ Смоленскъ по большой дорогѣ, опустошенной жителями и окончательно разоренной французами по пути ихъ въ Москву.

Но не одна армія была страшна для французовъ. Явился новый врагъ, настойчивый и безпощадный. Это были крестьяне, собиравшіеся въ вольныя дружины, и отряды партизановъ (добровольцевъ) подъ начальствомъ офицеровъ. Еще въ началѣ войны манифестъ Государя объ ополченіяхъ призывалъ народъ на борьбу съ врагомъ. Народная война началась въ тѣхъ русскихъ губерніяхъ, по которымъ двигались французы. Сначала жители разбѣгались при извѣстіи о томъ, что идутъ французы, и прятались въ лѣсахъ. Когда же отъ „великой арміи“ стали отдѣляться отряды, занимавшіеся грабежомъ—мародеры, или, какъ ихъ называлъ народъ, міродеры, крестьяне стали устраивать оборону и даже нападенія, если отрядъ былъ невеликъ. Крестьянскія дружины обычно вооружались кольями, вилами, охотничьими ружьями. Вождями ихъ были старосты, отставшіе отъ арміи солдаты, иногда помѣщики. Понемногу въ Смоленской, Московской и Калужской губерніяхъ путь, по которому отступали французы, покрылся цѣлой сѣтью крестьянскихъ дружинъ.

Особенно прославился въ этомъ отношеніи Сычевскій уѣздъ Смоленской губерніи.

За французами слѣдили съ возвышенныхъ мѣстъ, изъ лѣсной чащи, съ верхушекъ деревьевъ въ лѣсахъ.

Не пропускали случая захватить отставшихъ, напасть на обозъ. Такіе случаи встрѣчались все чаще и чаще, чѣмъ ближе французы подходили къ Смоленску. Иногда дѣло доходило до настоящихъ сраженій. Захваченныхъ въ плѣнъ непріятелей постигала ужасная участь. Ожесточенные крестьяне расправлялись съ ними своимъ судомъ и рѣдко оста-

вляли въ живыхъ. Крестьянскія дружины часто входили въ сношенія съ партизанами. Легкіе конные отряды партизановъ дѣйствовали отдѣльно отъ арміи; неожиданно налетали на непріятеля, отрѣзывали обозъ, захватывали въ плѣнъ, а при встрѣчѣ съ большими отрядами разсыпались въ разныя стороны, скрываясь въ лѣсахъ и оврагахъ. Партизаны были на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ къ Москвѣ, и даже въ окрестностяхъ самой Москвы, пока въ ней были французы. Когда французы покинули столицу, за ними двинулись и партизаны и сопровождали ихъ до самой границы. Объ ихъ подвигахъ разсказывали чудеса.

Особенно стали извѣстны Давыдовъ и Фигнеръ. Гусарскій полковникъ Давыдовъ выпросилъ у Кутузова 50 гусаровъ и 150 казаковъ, сбросилъ гусарскій мундиръ и надѣлъ кафтанъ, повѣсилъ на шею образъ Св. Николая Чудотворца, отпустилъ бороду, чтобы напуганные и озлобленные крестьяне не сочли его за француза, и сталъ дѣйствовать между Можайскомъ и Вязьмой. Онъ посѣщалъ деревни, раздавалъ крестьянамъ оружіе и училъ, какъ нужно справляться съ небольшимъ отрядомъ непріятеля. По его приказу въ деревняхъ всегда были наготовѣ нѣсколько парней: завидѣвъ французовъ, они мчались на поиски Давыдова, который спѣшилъ къ нимъ на помощь. Онъ устроилъ свой лагерь на высокомъ холмѣ, откуда можно было наблюдать окрестность на разстояніе нѣсколькихъ верстъ. Къ лагерю примыкалъ густой лѣсъ, гдѣ отрядъ скрывался, когда это было необходимо. Скоро французы узнали о непріятелѣ и стали его искать; посылали отряды захватить его живымъ или мертвымъ. Но всѣ поиски оказались напрасными: Давыдовъ былъ неуловимъ.

Денисъ Давыдовъ.

Капитанъ Фигнеръ былъ еще смѣлѣе. Съ своимъ отрядомъ онъ дѣйствовалъ подъ Москвой; пробирался даже въ Москву. Переодѣтый нищимъ или крестьяниномъ, днемъ онъ собиралъ свѣдѣнія, а ночью бродилъ безстрашно по городу съ переодѣтыми казаками и убивалъ французовъ.

Онъ отлично говорилъ по-нѣмецки, по-французски, по-итальянски и иногда, надѣвъ французскій мундиръ, отправлялся прямо въ французскій лагерь: дѣлалъ выговоры часовымъ, заводилъ знакомства съ офицерами; присѣвъ у костра, въ дружеской бесѣдѣ узнавалъ военные секреты, недоступные никакому шпіону, а на другой день, какъ снѣгъ на голову, являлся съ своимъ отрядомъ. Онъ ненавидѣлъ французовъ, былъ страшно жестокъ и никогда не оставлялъ плѣнныхъ въ живыхъ. Онъ мстилъ за разореніе родины и за тѣ жестокости, которыя совершали сами французы и ихъ союзники, нѣмцы и поляки. А что французы были жестоки, объ этомъ пишутъ ихъ соотечественники: „Мы были изумлены“, пишетъ одинъ французъ, „встрѣтивъ на своемъ пути видимо только что убитыхъ русскихъ. Замѣчательно было то, что у каждаго изъ нихъ была совершенно одинаково разбита голова. Намъ было извѣстно, что передъ нами шло около двухъ тысячъ русскихъ плѣнныхъ, и что вели ихъ португальцы, испанцы и поляки... Наши ограничивались только тѣмъ, что обрекали этихъ несчастныхъ умирать съ голоду за оградами, куда ихъ загоняли, словно скотъ“.

Александръ Самойловичъ Фигнеръ.

Но какъ ни опасны были крестьянскія дружины и партизаны, у французовъ были враги еще болѣе страшные: на французскую армію надвигался голодъ и сѣверная зима съ глубокими снѣгами и лютыми морозами. Не менѣе опасна была русская армія, которая подъ Вязьмой опять нанесла сильное пораженіе непріятелю.

По разоренной дорогѣ быстро шла „великая армія“, направляясь къ Смоленску. На пути встрѣчались мѣста прежнихъ сраженій. Печально встрѣтили французы Бородинское поле, усѣянное обглоданными трупами и скелетами павшихъ солдатъ, обломками ружей, сабель, разбитыми орудіями. Въ Колоцкомъ монастырѣ, въ лазаретѣ, они увидали раненыхъ товарищей, умолявшихъ о помощи, которымъ они ничѣмъ не могли помочь... Чѣмъ ближе армія подвигалась къ Смоленску, тѣмъ сильнѣе чувствовали французы приближе-

ніе голода и зимы. И вдругъ возлѣ Дорогобужа—это было въ концѣ октября — повалилъ хлопьями снѣгъ, и началась страшная метель. Ночью передъ вступленіемъ въ Смоленскъ при двадцатиградусномъ морозѣ поднялась буря. „Невозможно было оставаться на мѣстѣ. Съ крикомъ бѣгали солдаты, стараясь облегчить свое положеніе, но ихъ охватывалъ снѣжный вихрь, и они не могли двигаться; если же они порывались бѣжать, то спотыкались и падали и больше не подымались. Нѣсколько сотъ человѣкъ погибло такимъ образомъ; но много тысячъ людей умерли на мѣстѣ. Русская зима нападала на солдатъ со всѣхъ сторонъ: холодъ и снѣгъ пробивались сквозь ихъ легкія одежды и разорванную обувь. Промокшее платье замерзало на нихъ и сковывало ихъ члены. Несчастные, дрожа отъ холода, тащились съ трудомъ, пока комъ снѣга или трупъ одного изъ товарищей не заставлялъ ихъ поскользнуться и упасть.

Тогда они напрасно принимались стонать. Скоро ихъ заносило снѣгомъ... Наконецъ, показались высокія стѣны и башни Смоленска. Солдаты прибавили шагу. Но въ городъ вступила только гвардія. Толпы измученныхъ голодомъ людей съ ужасомъ узнали, что припасовъ едва хватитъ на гвардію. Въ отчаяніи они разбили городскія ворота, ворвались въ городъ и начали грабить магазины... Приходилось итти дальше.

Предстоялъ тяжелый путь въ теченіе сорока дней, среди постоянныхъ страданій отъ голода и холода, среди безпрестанныхъ тревогъ за свою жизнь. Наконецъ, „великая армія“ добралась до Березины. У города Борисова Наполеонъ хотѣлъ совершить переправу. Но здѣсь его ожидала западня.

Кутузовъ слабо преслѣдовалъ убѣгающаго врага. Онъ берегъ своихъ солдатъ, которые сильно страдали отъ холода, болѣзней и быстрыхъ переходовъ. „Непріятели скоро всѣ пропадутъ“, увѣрялъ онъ. „За десятерыхъ французовъ не отдамъ и одного русскаго“. Но Государь требовалъ рѣшительнаго движенія. По его приказу, три арміи съ юга, съ сѣвера и востока должны были окружить Наполеона и принудить его къ сдачѣ. Командующій южной арміей, Чичаговъ, уже сторожилъ его у Борисова на Березинѣ, остальныя арміи во-время не подошли, и онъ вырвался изъ запад-

ни и переправился черезъ Березину у деревни Студянки. Но переправа обошлась французамъ очень дорого: передовые русскіе отряды громили изъ пушекъ непріятеля во время переправы. Изъ 36 тысячъ вооруженныхъ солдатъ перешли на другую сторону только девять. Когда русскіе стали тѣснить, французы подожгли мостъ, и массы безоружныхъ солдатъ, женщинъ и дѣтей погибли. Погибли и тѣ, кто не успѣлъ переправиться и остался на берегу.

За Березиной отступленіе перешло въ бѣгство; „великая армія“ превратилась въ жалкій сбродъ людей, полузамерзшихъ и умирающихъ отъ голода.

Когда подъ Вильной Наполеонъ произвелъ своей арміи смотръ, онъ пришелъ въ ужасъ и, бросивъ войска, съ нѣсколькими приближенными тайкомъ убѣжалъ въ Парижъ. Прощаясь съ своими маршалами, онъ утѣшалъ ихъ обѣщаніемъ привести подкрѣпленіе въ 300 тысячъ. Въ началѣ декабря тысяча вооруженныхъ гвардейцевъ и девять орудій перешли границу. Это было все, что осталось отъ полумилліонной „великой арміи“, которая, по словамъ ея полководца, должна была въ одно или два сраженія кончить все и заставить Александра на колѣняхъ просить мира. Но прошло всего шесть мѣсяцевъ, и „великая армія“ исчезла, какъ дымъ. Отечественной войнѣ наступилъ конецъ.

Но война съ Наполеономъ еще не кончилась. „Ни одинъ непріятель не остался въ русской землѣ,—говорилъ Кутузовъ Государю.—Вашъ обѣтъ исполненъ. Теперь остается положить оружіе“. Но Государь не согласился съ мнѣніемъ полководца. Освободивъ Россію отъ Наполеона, онъ хотѣлъ освободить отъ него народы Запада. 1-го января 1813 года русская армія перешла границу и въ союзѣ съ Пруссіей и Австріей направилась черезъ Германію во Францію. Французская армія не могла удержать союзниковъ, была разбита, и 31-го марта союзныя войска, пройдя предмѣстья, торжественно вступили въ Парижъ. Весеннее солнце заливало яркимъ свѣтомъ прямыя, какъ стрѣла, улицы, широкіе бульвары, громадные дома съ балконами, съ богатыми магазинами и пестрыми вывѣсками. На улицахъ, на балконахъ, на крышахъ толпились массы народа. Населеніе Парижа встрѣчало побѣдителей безъ озлобленія. Блестящій видъ русской гвардіи, воинственная осанка и строгая дисци-

плина солдатъ вызывали изумленіе. Такъ вотъ они, тѣ степные татары, тѣ варвары, о которыхъ писалъ Наполеонъ, прибавляя, что они бродятъ по Франціи, разсѣянные его войсками.

Въ стройномъ порядкѣ двигались войска по улицамъ, встрѣчаемыя криками жителей: „Да здравствуетъ миръ! Дайте намъ миръ“! Наконецъ, показались союзные государи. Бѣлая лошадь и бѣлый султанъ на шляпѣ приковывали вниманіе всѣхъ. Это были примѣты Императора Александра. „Вотъ онъ! Вотъ Александръ!“ кричали, указывая на него. „Да здравствуетъ Александръ!“ „Да здравствуетъ миръ“! отвѣчалъ Государь. „Я прихожу къ вамъ не врагомъ; я хочу возвратить вамъ спокойствіе“.

Эти слова передавались изъ устъ въ уста, и восторгу населенія не было границъ. Великодушный побѣдитель боролся только съ Наполеономъ и приносилъ миръ Франціи, утомленной безконечными войнами.

Въ торжественномъ вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ не участвовалъ человѣкъ, которому по праву принадлежало почетное мѣсто возлѣ русскаго Государя. Не было Кутузова. Старый вождь перевелъ черезъ границу свою армію; но силы его слабѣли съ каждымъ днемъ и 16-го апрѣля 1813 года онъ скончался въ маленькомъ городкѣ Пруссіи Бунцлау.

„До сихъ поръ князь Кутузовъ-Смоленскій довелъ побѣдоносныя войска“, гласитъ надпись на его памятникѣ, „и здѣсь смерть положила предѣлъ славнымъ дѣламъ его. Онъ спасъ отечество свое и открылъ путь къ освобожденію Европы“.

Гос. Историч. Научн. Б-ка
Инвент. №
193

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Канцелярія Попечителя Московскаго Учебнаго Округа
Волхонка, 18.